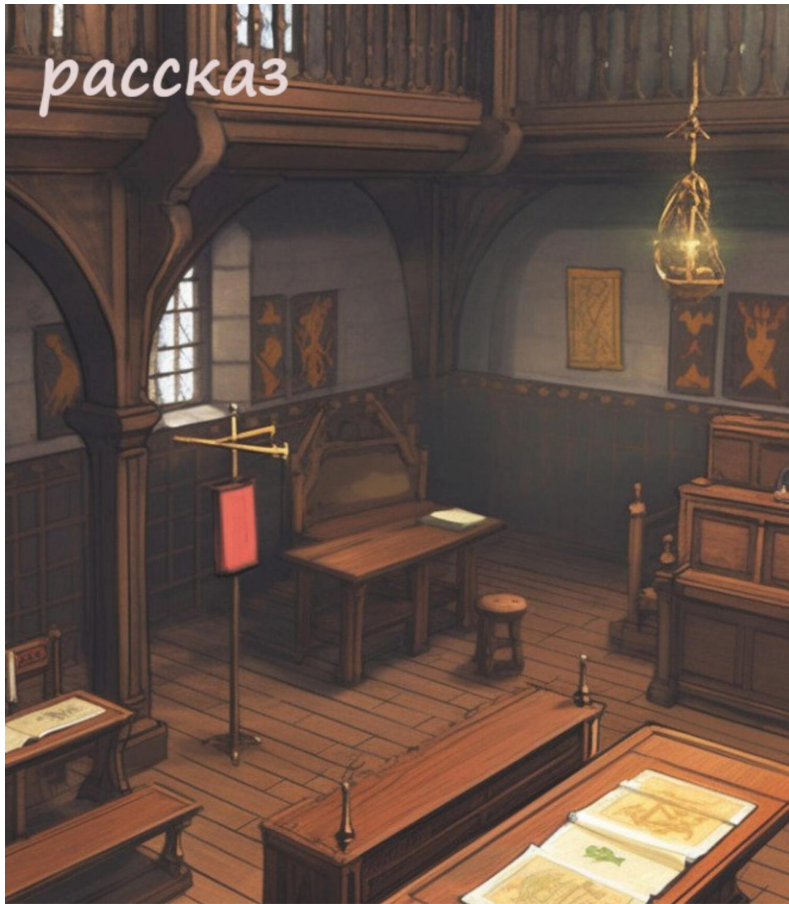

рассказ

Валерия Демина

Грамотная драма

Валерия Демина

Грамотная драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69212884

SelfPub; 2023

Аннотация

Обнаружить в кармане собственной юбки обидную записку от вздорного молодого соседа – необычное завершение дня купеческой дочери. Разумеется, сие деяние не может остаться без достойного ответа. Самостоятельный милый рассказ из жизни города Итирсиса.

Валерия Демина

Грамотная драма

«Не мните себя Цирфеею, ваши магические таланты ничтожно меня прельщают»

– Ничего себе! – Ахнула Кларисса, замерев посреди своей горницы.

Записку она обнаружила в кармашке, затерянном меж складок широкой модной юбки из темно-зеленой шерсти. Кто только успел ее туда подбросить?

Сегодняшние встречи скользнули в памяти. Прогулка с младшей сестрой, посиделки у именинницы-подруги, рынок...

Ну разумеется! Возможность проявить столь вопиющую вежливость была только у Теодора, когда они нелепо столкнулись у прилавка с пряниками.

Конечно, этого соседского отпрыска Кларисса к числу своих воздыхателей не относила. Что было скорее исключением – одновременно с цветением ее молодости процветали и дела ее отца, торговца заморским чаем. Стройный ряд претендентов на ее руку и приданое уходил краем в заснеженный горизонт.

Сама она не спешила одаривать их сугубым вниманием, и уж менее всего пыталась навязываться кому-то, по скудости ума в этот ряд не стремившемуся. Магией она владела только

поверхностно – могла чуть подправлять потоки воздуха. В иной безветренный день ее локоны романтично развевались, а морозное дуновение румянило щечку – но едва ли можно было обвинить ее в злом употреблении невеликого дара.

Формально сей Теодор тоже числился наследником богатым, а значит и женихом не последним, но пока больше бегал от девиц, чем за ними. Его вообще редко видели в компании, и даже соседи знали плохо.

– Только улыбнулась ему третьего дня и вчера доброго утра пожелала – он теперь мнит, что я за ним увиваюсь? – изумлению Клариссы не было предела. Всем дикарям дикарь, не умеет отличить кокетства от любезности!

Она думала рассмеяться и забыть эту глупость, но взор ее пал в окно.

Сад был еще зимним и голым, с ее светелки на втором этаже гляделся насквозь. Кривые старые груши, редкий забор, за коим гнулись груши уже соседские – и на дальнем краю однообразного пейзажа явилась праздная фигура самого автора послания. Небрежно отряхивая снятую бобровую шапку от липкого позднего апрельского снега, Теодор тоже поглядывал на окно Клариссы.

Этот его взгляд заставил щеки гневно вспыхнуть. Еще и любитесь, каково ей придется его известие. Образованием кичится! Ишь, как составлена – Цирфею приплел! Сдается, по легенде она поповавшихся мужчин обращала в зверей?

– Погоди! – прищурилась ни за что оскорбленная деви-

ца и бросилась к чернилам. Не зря батюшка и ей наставников приглашал, грамотная! Не только литеры разбирает, но и древние южные сказания читывала, до боли очей.

«В роли Дон Жуара вы не слишком убедительны» – набросала она скоро, с досадой обнаружила две ошибки и переписала все наново. Сугубое расточительство тонкой заморской бумаги, но в грязь лицом пасть не позволительно.

Сложив листок голубем, она напустилась на створки, опасаясь, что нежелательный кавалер избегнет ответной любезности. По счастью, он еще болтался у края своих владений.

Растворив окно, Кларисса отправила голубя в легкие сумерки, шепотом подправив его путь по воздуху. Бумага упала к ногам наглеца.

Тот не ждал ответа соседки. Пожалуй, он даже не подозревал за ней умения писать. Когда он поднял и развернул посланца, Кларисса насладились маленькой мстью – остро подметила поползшие вверх брови. С усмешкой она закрыла окно и укрылась в глубине темнеющей комнаты.

До зуда хотелось понаблюдать – едва ли дерзкий юнец оставит за ней последнее слово. Немалых усилий стоило избегать окон до самого ужина, а после оно потушить свечу и лечь спать раньше обычного.

Заснуть, ясно, удалось не сразу. Кларисса пожалела, что ответила на оскорбление – поостыв, она сложила три-четыре куда более колких варианта. После пятой вариации она почти убедила саму себя предать забвению пустую выходку, но

уснула на порядком измятой подушке.

За утренней трапезой глава семьи пребывал в сытом благодушии. Когда младшая дочь, прихлебывая чай, оттопырила «аристократический» мизинец, он без ворчания повесил на ее пальчик маковую сушку. Кларисса фыркнула, хотя ее думы были сегодня далече.

Девушка почти не сомневалась, что получит ответ на свое послание. Как Теодор исхитрится его доставить? Про его магию она не слышала, и утром на подоконнике записок не обрела.

Может быть, обронит через ограду? Следует пройтись во сад, хотя прогулку по снегу среди деревьев придется как-то объяснить. Проществовать мимо его ворот тоже не мешает.

В столовую хоромину вплыла кухарка, утвердила на столе гору постных оладьев, потом сняла с локтя незнакомую корзинку со странными фруктами.

– Соседский сын Тедька постучал, принес от вас отца гостинец – «финики», – доложила она купцу, – Да просил дозволения девице Клариссе писание передать.

Кухарка бережно выдала обмеревшей от изумления Клариссе сложенный вчетверо лист.

Отец против ожидания расхохотался.

– Славный ухаживатель! Скольких «серьезных» воздыхателей я из-под твоих окон гонял, а только один догадался прямой дорогой идти, да отца умаслить не забыл!

Кларисса сидела уже красная, глядя в блюдо и не реша-

ьясь развернуть записку.

– Не бойся, – отсмеялся отец, – читать не буду, вижу, честно передал. Станешь ответ сочинять – нашим новым чаем соседа уважь.

Все еще не находя слов, Кларисса подхватила верхнюю оладью с горки, проглотила чай и отбыла к себе наверх. Такого захода она от молчаливого Теодора ожидать никак не могла.

«Удивлен даже сравнением. Предположу, что вам глянулась роль прекрасной Катариты?» – прочла Кларисса, оставшись наедине с собой.

«Катарита?» – припоминала она. – «знатная и ладная, но строптивая гордячка пьесы Туманной страны!»

Интересно, это положить оскорблением? Или молодец продолжает чваниться просвещением, силясь поставить девушку в тупик? Тогда он промахнулся. Она сама укажет ему место.

«Вам ли возбрело в голову меня укрощать? Хитроумный путь через батюшку достоин коварного Логги, но едва ли с такими заслугами дотянуть до Круглого стола» – приписала она ниже на листе.

Рука теперь не дрогнула, почерк был на загляденье. Пусть не подумает, будто она сбережет в шкатулке его подношение. Следовало и давеча на том же листе ответить, да поздно. Небрежности ради сложив грамотку только пополам, Кларисса спустилась вниз, и примостила ее в корзинку с тремя

мешочками дорогого чайного листа. Что бы она ни судила о Теодоре, а репутацию отца среди купеческого сословия ставить под удар негоже.

Кларисса знала, что до сумерек сын часто помогает отцу в лавке и скорого ответа не последует. Однако нечаянный азарт этого нового ее развлечения сменился ожиданием, и день тянулся точно сани по песку.

Наконец, к вечерней трапезе поспело и письмо. Под ее двумя строчками появились три новые, ровные и уверенные: «Разве каждый рыцарь Камелода был его достоин? Иные вершили такое, что я скорее выберу тернистый путь одинокого Жана Жольжана».

Кларисса наморщила лоб и зашагала по комнате. Сколько ни усердствовала, а Жольжана припомнить не могла. То-то стыд! Он ее поймал? Или выдумал?

Можно измыслить такое выражение, что ее неведение будет укрыто, только Теодор, пожалуй, не дурак, догадается – попалась.

Отец трудился с утра и дотемна, поэтому семейный завтрак был нередко единственной, но прочной (коль скоро он не в пути) возможностью поговорить с двумя дочерьми на выданье. Нечего было и думать пропустить первую трапезу. Кларисса поела споро и с кислой тоской лицезрела, как взрослящаяся сестрица сперва жеманно кушает пшеничную кашу, а после выводит на тарелке узоры из оставленного напоследок изюма.

Батюшке Кларисса объявила, что днесь намеревается прогуляться в либерию и провести там немало времени. Тот ничего вызнать не стал, но затаил хитринку в морщинках у глаз.

«Никак уже меня с Теодором мысленно сосватал» – вздохнула про себя девица. – «Горько бы разочаровался, узнав, какие сей Тедька слагает комплименты».

Доступ к библиотечным книгам для дочерей вводил купца в значительные издержки. Однако он вознамерился дать им образование поистине дворянское. Книги, лютни и наставники его юных наследниц обходились дороже, чем иным аристократкам. Вскорости и наряды будут от известных портных, дорогой ткани и крепкой магии. Уже и теперь платья самые модные, с корсетами – пока, впрочем, не на заказ слагены, а у нуждающейся леди с выгодой перекупленные.

Либерия окутала Клариссу привычной терпкой смесью запахов. Здесь хранились книги на старинном пергаменте, на новой восточной бумаге, на плотных тростниковых свитках. С чем сравнить утешение развернуть ветхий свиток или отворить хрустящую обложку? В дом ничего брать не позволялось – должно устраиваться за столами и читать тут же, под чутким взором книгохранителя.

«Жан Жольжан» – повторяла Кларисса, повесив шубку в большой входной хоромине и тихо вышагивая вдоль знакомых стоек читальни. – "Поиск всякого Жана стоит начинать в наследии Шарлии».

Гордость не позволила спросить у сурового хранителя прямо, где мог значиться таковой Жан, но на втором десятке просмотра шарльских книг с она ликованием обнаружила сего персонажа.

«Обездоленные» – значилось именование.

Весьма собой довольная, девица трепетно перенесла книгу на один из столов в центре сухой теплой читальной хоромины – магия берегла подходящий для либерии климат. Свечей тем более держать не рисковали, ставя надежные магические лампы.

Кларисса заняла "свое" место – сосновый стол, отполированный сотнями локтей, с широкой удобной скамьей, от окна вдали. Уличный шум и бурная толкотня города сюда не проникают.

Книга оказалась толстой, придется мало что не прожить здесь несколько дней прежде, чем сложится достойный ответ Теодору. Писать без прочтения до корки – авантюрно. Окажется этот Жольжан переодетой девицей к середине сюжета – можно ли без полного ведения составлять записку?

Поначалу, впрочем, каторжник Жольжан вел себя соответственно означенному статусу и ничем на девицу не походил.

Через полчаса Кларисса перестала вспоминать о переписке, жесткой скамье, обеде и прочей нелепице. Украденная у этого мира, она, по счастью, не представляла своего очарования: склоненная над книгой, упоенная слогом великого шарльского сочинителя, неосознанно теребящая кончик ко-

сы...

Зато Теодор из тени отдела метафизики мог наблюдать это ясно и долго.

К середине следующей недели Кларисса закончила книгу и в доме сразу, без раздумий, набросала ответ. Первые два дня с начала чтения перед самым сном она еще огорчалась, что затянувшееся молчание выдает ее с головой, потом повествование увлекло ее окончательно. Как странно, что нагловатый сосед выбрал такой образец. Снова рисуется? Тем не менее, вместо колких слов о вороватых наклонностях героя, которые вертелись на языке в первых главах, Кларисса неожиданно для себя начеркала:

«Жан Жольжан не был одинок – с ним была Шозетта, она наполнила его жизнь смыслом. По-настоящему одинок тот, кто не умеет любить. Как Фрололо».

Затворив сомнения, не разрешив себе и разу перечесть написанное, она отворила окно и отправила письмо через сад, который уже отряхнул зимнюю дремоту и повел себя заведенным по календарю манером. Апрель близился к концу.

Теодор ответил не сразу. Знать, в этот раз Кларисса уловила его – хотя на сей раз не стремилась утвердить превосходство, да и Фрололо был героем даже более известного творения того же сочинителя.

Пост завершался. Одну седмицу город отложил всякое житейское попечение и даже чтение казалось развлечением выше меры. Когда же отзвенело главное Светлое Воскресе-

нье года, Кларисса вдруг увидела Теодора в либерии.

Согбенный за "ее" столом, по-домашнему подперев рукой подбородок, он весь предавался печалям и радостям, лежащим пред ним на листах старинной печати. Волосы до плеч пребывали в некотором беспорядке, обнаруживая длительное безучастие читателя к миру внешнему. Впрочем, дорогая суконная поддевка и сияющие сапоги превращали чудачка в богатого оригинала.

Рядом с отворенной книгой лежала другая, сегодня завершенная – объемное заморское сочинение, где действовал помянутый девицею Фрололо.

От неожиданности Кларисса замешкалась на пороге и даже сделала шаг назад, когда Теодор поднял голову и посмотрел прямо на нее. Капелька любимой лавандовой воды на запястье выдала ее в негаданную минуту.

Теодор вскинул брови, несколько мгновений длилась их общая драматическая растерянность. Вдруг он суетливо поднялся, приблизился и подал сложенную бумагу вытянутой рукой. Исполнив сие лишенное изящества приветствие, несколько ступешался и бежал обратно.

Кларисса медлила. Ей предоставился дивный случай зайти новую обиду о невежливом обращении с девицей в присутствии свидетелей. Как на горе, три свидетеля, погруженные в чтение, не удостоили вниманием это оскорбление. Убедившись в этом, она позволила победить любопытству и открыла уже знакомый изломанный лист их переписки.

"Разве Клод Фрололо не любил своего брата... и Собор?"
Мысленный ответ составиля немедленно.

Кларисса даже удивилась, как легко ей будет продолжить спор пером, и как непосильно оказалось посмотреть в глаза собеседнику. Со дня первой его записки они не встречались, и она не воображала, как преложилось ее мнение о нем. Каким тяжким стало обыденное приветствие, как обида сменилась азартом переписки, а потом – дивным мимолетным желанием исподтишка понаблюдать за тем, как он читает.

Очнувшись, Кларисса устремилась к бюро подле смотрителя – единственному пристанищу чернил. Ставить заметки было позволено только под самым его носом, дабы иной варвар не дерзнул оставлять бескультурное наследие в сокровищах либерии.

Кларисса облокотилась о бюро и заправила лохматое перо чернилами.

"Разве это – настоящая любовь, которая долготерпит и никогда не перестает?" – девица поборола торопливость, чтобы огрехи почерка не выдали ее волнения. Ей все казалось, что Теодор поднимает голову и тайком смотрит на нее. Из-за этого спину приходилось держать ровнее, чем требовалось для должного положения при писании грамот.

Завершив письмо, однако, она не застала его за этим занятием. Он как будто врос в отдаленный стол, в старую скамью, во властное книжное царство.

Сохраняя достоинство, Кларисса сколь можно естествен-

нее прошуршала мимо его стола в широких своих юбках. Проплывая вровень, она сбросила бумагу пред очи адресата.

Не успела она продолжить и трех шагов, как Теодор во мгновение прочел ее ответ и вдруг осторожно придержал ее за широкий рукав – коснуться руки, известно, по правилам приличия не осмелился.

– Кларисса Микаэлевна, – произнес он негромко. – Приходите к нам завтра с батюшкой и сестрицей к вечерней трапезе.

От неожиданного звука его голоса в тишине читальни стало непосебе. Приглашение его тем более застало ее врасплох. Как же можно предречь его деяния?

Вопреки суждению, захотелось согласиться. Они соседи, их отцы на коротке – воистину, нет никаких причин ее дыханию сбиться.

Не вдруг она ответила, но за вдохом и выдохом обронила сдержанно:

– Я передам батюшке ваше приглашение. Всего доброго.

Впервые Кларисса покинула либерию, не приступая к чтению. Повлекло свободно ступать по солнечным улицам, услышать оголтелое пение птиц, кои, пренебрегши новизной рифмы или точностью слога, во весь клюв превозносили первую зелень.

Впрочем, роскошь поразмыслить в одиночестве Клариссе в это утро не выпала. Минуя от крыльца полсотни саженей, она вынужденно улыбнулась знакомой.

– Доброго здоровья, Лея Сальвадоровна! – приветила она с легким кивком.

– И вам, Кларисса Микаэлевна, – отвечала магичка чинно, подхватывая купеческий манер юной девицы. Затем окинула ее статную фигуру взглядом, неожиданно подалась вперед и тоном заговорщицы прибавила:

– Кларисса Микаэлевна, не сочтите за невежливость, вы так чудесно смотрите! Но когда ваш батюшка приобрел мои наряды для вас, я проявила непростительную беспечность – в одном из кармашков юбки могло остаться краткое письмо, даже скорее записка. Оно принадлежит перу моего нежеланного жениха и сложено в несколько грубой манере. Надеюсь, оно не доставило вам неприятной минуты?

Остолбеневшая Кларисса покраснела стремительно и плотно. Сглотнув, в отяжелевшей тишине медленно, со нарастающим ужасом, обернулась.

Определенно, это был в значительной степени благоприятный день. Потому что Теодор едва показался из дверей либерии и никак не мог ведать вопроса магички Леи.

Конец рассказа.

Приложение 1. Расшифровка отсылок

Конечно, смысл отсылок в том, чтобы оставить сведущему читателю самому угадать ниточку и достроить смыслы.

Однако, в этом рассказе плотность моих намеков на реальные книги оказалась так велика, что я решила все-таки дополнить его своеобразным глоссарием.

«Не мните себя Цирфеею, ваши магические таланты ничтожно меня прельщают»

Цирцея – героиня греческой мифологии, упоминается в «Одиссее» Гомера. Среди прочего обладала способностью обращать мужчин в свиней.

«В роли Дон Жуара вы не слишком убедительны»

Дон Жуан – все просто, образ известный, многими описанный.

«Удивлен даже сравнением. Предположу, что вам глянулась роль прекрасной Катариты?»

Катарина – героиня «Укрощения строптивой» Шекспира.

«Вам ли возбрело в голову меня укрощать? Хитроумный путь через батюшку достоин коварного Логги, но едва ли с такими заслугами дотянуть до Круглого стола»

Локки – хитроумный бог скандинавского эпоса.

Круглый стол – очевидно, сказания о короле Артуре и его эпохе.

«Разве каждый рыцарь Камелода был его достоин? Иные вершили такое, что я скорее изберу тернистый путь одинокого Жана Жольжана»

Камелот – с ним тоже ясно.

Жан Вольжан – главный герой «Отверженных» В. Гюго.

«Жан Жольжан не был одинок – с ним была Шозетта, она наполнила его жизнь смыслом. По-настоящему одинок тот, кто не умеет любить. Как Фролло»

Козетта – подопечная Жана Вольжана.

Клод Фролло – архидьякон из «Собора Парижской Богоматери» любимого мной В.Гюго.

«Разве это – настоящая любовь, которая долготерпит и никогда не перестает?»

Из первого послания Апостола Павла к Коринфянам, Новый Завет.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

не радуется неправде, а сорадуется истине;

все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.»

Приложение 2. Об эпизодическом персонаже

Историю Леи Сальвадоровны и ее жениха можно найти в романе "Чарованная щепка", который выложен в черновиках. Основной сюжет рассказывает о развитии маленькой артефактной мастерской, вокруг которой вертятся множество героев, среди которых эта юная магичка.